

Неизвестно, какую тайную технику применил Цинь Цзуйкуан, но его скорость достигла предела. За считанные мгновения он оставил паука далеко позади.

Толстый слой сухой травы под ногами начал редеть. Впереди уже виднелась граница: иссушенные заросли сменялись нагромождением темно-синих камней и сырой земли. Воздух вокруг внезапно пришел в движение, забурлив невидимыми темными потоками.

Уцепившись за плечо Цинь Цзуйкуана, Линь Яньюй бросил взгляд назад. Паук преследовал их с пугающим упорством. Дальше, у самого подножия исполинского дерева, копошились тени, но крошечного щенка уже не было видно.

— А-Янь, держись крепче! — внезапно выкрикнул Цинь Цзуйкуан.

Линь Яньюй не успел ответить: встречный порыв бешеного ветра едва не сорвал его со спины товарища. Если бы не стальная хватка Цзуйкуана, он бы давно улетел в темноту. Но даже так его приподняло над землей. В испуге Линь Яньюй обхватил шею спутника руками, едва не обвивая ногами его пояс.

Цинь Цзуйкуан не дрогнул, но под натиском урагана его бег замедлился.

За спиной начала нарастать тяжелая, леденящая душу аура. Паук совершил резкий рывок; его движения превратились в серию размытых теней. Оказавшись вплотную к беглецам, тварь широко раскрыла пасть, и острый хоботок, похожий на костяную иглу, нацелился прямо в затылок Цзуйкуана.

— Берегись! — вскрикнул Линь Яньюй.

Цинь Цзуйкуан среагировал мгновенно. С его губ сорвалась кровь, но в ногах вспыхнула мощная духовная энергия. Резко качнувшись в сторону, он пропустил удар мимо себя и снова рванулся вперед.

Увидев на своей одежде алые капли, Линь Яньюй смертельно побледнел. Цинь Цзуйкуан и без того был тяжело ранен, а теперь раны открылись вновь. Выдержит ли он такую нагрузку?

Но сейчас было не время для пустых сожалений. Спуститься на землю означало обречь обоих на смерть. Оставалось лишь одно — довериться ему и мчаться дальше.

Разъяренный промахом, паук издал жуткий скрежещущий вопль. Резко затормозив, он затрясся. В его пасти начал формироваться шар густого пурпурно-коричневого света, излучающий колоссальную мощь.

На плечи беглецов обрушилось чудовищное давление, сковавшее движения. Они могли лишь наблюдать, как приближается сфера энергии, искажающая само пространство вокруг себя.

Один такой удар — и от них не останется даже праха.

В этот критический миг раздался звонкий, отчаянный лай. Еще одна мощная волна энергии полоснула воздух, столкнувшись с пурпурным шаром. Громовой разрыв разметал духовные потоки, и ударная волна отшвырнула Линь Яньюя и Цинь Цзуйкуана в сторону.

Они тяжело врезались в каменную стену. У Линь Яньюя перехватило дыхание, внутренности словно скрутило узлом. Превозмогая дурноту, он поднялся на колени и увидел, что Цинь Цзуйкуан уже спешит к нему.

— А-Янь, смотри! Там свет!

Свет? Линь Яньюй обернулся, но прежде сияния заметил лежащего неподалеку щенка. Зверек лежал неподвижно, не подавая признаков жизни. Это он принял на себя основной удар паука...

Поколебавшись лишь мгновение, Линь Яньюй бросился к малышу и подхватил его на руки.

— Бежим!

Паук, оглушенный столкновением, уже начал приходить в себя. Сжимая щенка, Линь Яньюй последовал за Цинь Цзуйкуаном к источнику света. Впереди послышался странный, зловещий гул текущей воды.

Вскоре перед ними предстала Река Цзи.

Вода в ней была абсолютно неподвижной, гладкой, как зеркало, но при этом издавала тот самый необъяснимый шум течения. В тусклом свете фонаря было видно, как над поверхностью плывут клочья серого тумана, пропитанного эманациями смерти. Казалось, стоит лишь коснуться этой пелены, и жизненные силы мгновенно иссохнут.

Эта река была подобна бездонному шраму на теле земли, отрезавшему их от спасительного сияния на другом берегу. Беглецы замерли у кромки воды.

— Подожди, — после короткого раздумья произнес Цинь Цзуйкуан. — Я начерчу массив.

— Массив? — Линь Яньюй нахмурился, заметив, как тот собирается прокусить палец, чтобы использовать кровь. Он резко перехватил его руку. — Опять собрался тратить остатки жизни на свои запретные техники? Ты хоть понимаешь, в каком состоянии твое тело?

Цинь Цзуйкуан смутился:

— Откуда ты...

— Слушай меня внимательно, — голос Линь Яньюя стал жестким. — Мне плевать, какие воспоминания к тебе вернулись. Сейчас не время для самоубийственного героизма. Береги себя. А с этой рекой... с ней разберусь я.

Передав щенка товарищу, Линь Яньюй хлопнул по сумке-хранилищу. Божественный треножник «Сжигающий Небеса» с гулом вырвался наружу и завис над мертвыми водами.

Волосы Линь Яньюя взметнулись от потоков высвобождаемой энергии. Он направил всю свою духовную силу в артефакт, и тот вспыхнул ослепительным пламенем, разогнав вековую тьму.

— Три Огня Треножника: Человеческий, Небесный, Сердечный!

— Человеческий огонь — для защиты от зла, Небесный огонь — разящий клинок! Откройся!

Бело-золотое пламя хлынуло из треножника мощным потоком, выжигая серый туман и прокладывая узкую огненную тропу к противоположному берегу.

В свете яростных искр лицо Линь Яньюя казалось высеченным из мрамора.

— Сяо Цинь, иди первым!

— А-Янь... — в глазах Цзуйкуана промелькнуло упрямство.

— Не спорь, иди! — Линь Яньюй едва сдерживал напор энергии. Удерживать Небесное Пламя на стадии Формирования Ядра было за гранью его возможностей.

Аура преследователя уже обжигала затылок. Паук был совсем близко.

Цинь Цзуйкуан стиснул зубы и, наконец, рванулся по огненной дорожке. Но в последний момент, вместо того чтобы просто бежать к спасению, он резко развернулся, всучил Линь Яньюю щенка и, подхватив самого юношу на руки, бросился вперед.

Контроль над треножником был потерян. Артефакт упал в руки хозяина, и поток пламени мгновенно иссяк. Огненная тропа начала стремительно таять, пожираемая серым туманом прямо под их ногами.

— Что ты творишь?! — Линь Яньюй едва не задохнулся от возмущения.

Цинь Цзуйкуан, не сбавляя хода, выбросил свободную руку вперед. В его ладони вспыхнул

крошечный кровавый массив, который он обрушил на остатки огненного пути.

Раздался негромкий взрыв. Вспышка на мгновение задержала серую мглу и зафиксировала тающее пламя. Используя эту мимолетную опору, Цинь Цзуйкуан последним прыжком преодолел оставшееся расстояние и рухнул на твердую землю другого берега.

Опасность миновала так внезапно, что Линь Яньюй еще долго не мог прийти в себя. Неужели они действительно выбрались?

Цинь Цзуйкуан, разжав объятия, схватился за грудь и согнулся в мучительном кашле, выплевывая сгустки крови.

— Ты как? Живой? — Линь Яньюй бросился к нему.

В этот момент паук на том берегу подбежал к воде, но перебраться не решился. Он лишь яростно скреб землю лапами, а в его пасти снова начало разгораться пурпурное свечение.

— Уходим! — Цинь Цзуйкуан стер кровь с губ и потянул товарища в сторону сияния.

Еще шаг — и они шагнули в ослепительный свет. На мгновение глазам стало больно, и мир исчез.

Температура вокруг поднялась, ветер стих. Наступила абсолютная, звенящая тишина. Когда зрение вернулось, Линь Яньюй и Цинь Цзуйкуан одновременно открыли глаза.

Мрачные пещеры исчезли. Перед ними расстился удивительный мир, наполненный цветами и светом.

Это пространство было необъятным. В самом центре росло дерево — не такое исполинское, как то, что они видели внизу, но все же в сотни раз превосходящее обычные леса. Его изумрудная крона была усыпана мириадами нежных ветвей, с которых каскадами свисали цветы всех оттенков фиолетового. Казалось, весь мир соткан из этих благоухающих лепестков.

Вокруг дерева вились тонкие нити духовного света, создавая атмосферу священного покоя.

Опасаясь, что эта безмятежность — лишь иллюзия, беглецы не спешили приближаться к центру, затаившись на окраине.

Из-за запредельных нагрузок и применения тайных техник состояние Цинь Цзуйкуана было критическим. Раны на его спине снова открылись, пропитав одежду кровью. Тяжелый запах железа быстро наполнял воздух.

Линь Яньюй, опасаясь привлечь внимание местных хищников, принялся лихорадочно обрабатывать повреждения. Лицо Цинь Цзуйкуана было серым, губы потрескались; даже целебные эликсиры помогали слабо.

Сам Линь Яньюй тоже был на пределе сил. Они приняли пилюли, но организмы, перенасыщенные лекарствами, уже почти не впитывали их силу. Требовалась долгая медитация.

Напоив щенка духовной росой, он осторожно устроил его на мягкой траве.

— Сяо Цинь, сначала ты. Постарайся усвоить лекарство, я прикрою. Как закончишь — сменимся.

Цинь Цзуйкуан слабо покачал головой:

— Нет, А-Янь, сначала ты...

— Посмотри на себя, — перебил его Линь Яньюй. — Ты в гораздо худшем состоянии. Не спорь, садись в медитацию.

— Хорошо. Будь осторожен, — Цзуйкуан не стал больше возражать и, преодолевая боль, принял позу для созерцания.

Внезапно тишину прорезал резкий птичий крик. В небе мелькнула черная тень, и прежде чем они успели среагировать, рядом со щенком приземлилась птица.

Вид у нее был воинственный: перья взъерошены, на теле виднелись следы недавней схватки и капли подсохшей крови. На голове птицы красовался хохолок, переливающийся пурпурным металлом, придававший ей царственный вид. Птица уставилась на незваных гостей своими черными, полными ярости глазами.

Внезапно птица открыла клюв и произнесла на чистом человеческом языке:

— Вы еще кто такие? И что с Сяо Шуаном?

Линь Яньюй и Цинь Цзуйкуан застыли в немом оцепенении. Птица... умела говорить.